

На правах рукописи

Мельничук Валентина Александровна

**КИЕВСКАЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ XII ВЕКА:
ОБРАЗНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА
СВОДА ИГУМЕНА МОИСЕЯ**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург 2013

Работа выполнена на кафедре древних литератур и литературного источниковедения ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Дергачева-Скоп Елена Ивановна

Официальные оппоненты: **Мелихов Михаил Васильевич**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет», профессор
кафедры русской и общей филологии

Бородихин Андрей Юрьевич,
кандидат филологических наук,
ФГБУН Государственная публичная
научно-техническая библиотека Сибирского
отделения Российской академии наук,
заведующий отделом редких книг и
рукописей

Ведущая организация: **ФГБУН Институт филологии Сибирского
отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск**

Защита состоится « 24 » декабря 2013 года в « 15 » часов на заседании диссертационного совета Д **212.285.15** на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Автореферат разослан « » ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Анализ образно-повествовательной структуры Киевского свода конца XII века как свода игумена Моисея предпринимается впервые. Вопрос о правомерности рассмотрения летописей как памятников литературных был поставлен еще в послереволюционное время и поднимался вновь во время дискуссии о методе древнерусской литературы, развернувшейся в 60-е годы XX в. Кроме монографии Д. С. Лихачева, в которой летопись рассматривается «как жанр – жанр развивающийся и изменяющийся»¹, появилось немало работ, посвященных анализу сюжетных, стилистических особенностей отдельных источников как жанров, использованных при составлении сводов. В то же время преобладающим оказалось мнение о невозможности рассмотрения летописей в целом (учитывая их многосоставный характер) как памятников литературных: так, Я. С. Лурье указывал, что с литературно-художественной точки зрения они представляют собой «конгломерат нескольких жанров, имевших разное происхождение и неодинаковое художественное значение»². Обращение к литературному аспекту летописного текста раннего периода, Киевскому своду XII века, через исследование художественного своеобразия образно-повествовательной структуры памятника представляется актуальным.

Степень изученности темы. Источниковая база.

На литературные достоинства повествования Киевского свода XII в. обратили внимание уже ученые XIX в.: М. П. Погодин, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Н. Пыпин, В. С. Иконников. Первыми исследователями, начиная с трудов К. Н. Бестужева-Рюмина, А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, разрабатывались вопросы необычайно сложного состава этого памятника, включающего краткие погодные записи, семейные хроники, договоры, отдельные повести; кроме того, рассматривались вопросы общей характеристики входящих в свод произведений и фрагментов. Отсутствие ранних отдельных работ, посвященных литературному аспекту отечественных летописных сводов, некоторым образом компенсируется ценными замечаниями, указывающими на художественные достоинства летописного текста. М. П. Погодин определял Киевскую летопись как «самую драгоценную из всех, до нас дошедших». О «литературном взгляде» книжников на описываемые события писал М. Д. Беляев. То, что летопись «доставляет любопытнейшие указания для литературной истории», отмечал А. Н. Пыпин: в ней «хотя бы ненамеренно» появляются

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 4.

² Лурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1973. Т. 27. С. 85.

эпизоды «чисто поэтического творчества». ¹ Ряд важных для нашей работы суждений, имеющих прямое отношение к характеристике художественного своеобразия летописного текста, – о необходимости учитывать при анализе текста «лирическую стихию», один из «важнейших художественных принципов эстетической системы древнерусского писателя»; о роли «сильных деталей» в дорисовке подобранных автором образов, внушении читателю заявленных писателем взглядов; «суггестивности» сюжетов, – был высказан в середине – второй трети XX в. сначала в дискуссии о методе древнерусской литературы (В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев и др.), а затем в ряде статей, посвященных проблемам её поэтики (Я. С. Лурье, О. В. Творогов и др.).

Среди работ, в которых Киевский свод XII в. трактуется как единый памятник, следует назвать статью И. П. Еремина (повествовательный материал Киевской летописи охарактеризован с точки зрения его литературной природы, метода отражения исторической действительности), а также исследование В. П. Адриановой-Перетц (этот памятник рассмотрен как цельная и выдержанная «княжая» летопись) ². Из современных исследований укажем работу А. А. Пауткина, которым предложено тематическое изучение поэтики летописания XI–XIII вв. Особое внимание автор уделяет «средствам традиционной изобразительности, системам топосов, важнейшим мотивам и образам, библеизмам, характеру взаимодействия летописей с переводными источниками» ³.

Вопрос границ редактирования Киевского свода XII в., выполненного его составителем игуменом Моисеем, затрагивался в трудах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Б. А. Рыбакова ⁴, а также современных исследователей (см., например: Т. Л. Вилкул, Ф. Мушар ⁵).

¹ Как замечает исследователь, описывая происходящее, один летописец смотрит «с участием», у другого «заметна холодность» (Беляев И. Д. О разных видах русских летописей // *Временник МОИДР*. М., 1850. Кн. 5. С. 24–29). См. также: *Пытин А. Н.* История русской литературы. СПб., 1898. Т. 1. С. 284; *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина. М., 1850. Т. 4. Период удельный, 1054–1240. С. 48.

² *Адрианова-Перетц В. П.* Областные летописные своды XI – начала XIII века // *История русской литературы*: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 1: Литература XI – начала XIII века. С. 298–314; *Еремин И. П.* Киевская летопись как памятник литературы // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 67–97.

³ *Пауткин А. А.* Беседы с летописцем: поэтика раннего русского летописания. М., 2002. С. 2.

⁴ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 71; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 87–88; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 60–72.

⁵ *Вилкул Т. Л.* О хронографических источниках Киевского летописного свода //

Источниковой базой нашего исследования стал Киевский свод XII в. в составе Ипатьевской летописи, повествовательные статьи XII в. в Лаврентьевской, новгородских летописных сводах, сводах более поздней традиции (Московские своды, Тверской сборник, Густынская летопись).

Объект исследования – Киевский свод XII в. как концептуальное единство.

Предмет исследования – образно-повествовательная структура Киевского свода XII в. как способ выявления авторской редакции памятника игумена Выдубицкого монастыря Моисея.

Цель диссертационной работы – исследование системы литературной обработки повествовательной структуры киевской великокняжеской летописи XII в., выполненной игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем.

Этой цели соответствует решение *ряда задач*:

показать возможность реконструкции источников, утраченных при составлении свода, путем комплексного анализа литературных средств в пределах жизнеописания одного княжеского рода и с учетом контекстуальных связей;

выявить литературные приемы, использованные при описании исторических событий на пространстве всего повествования XII в., постепенно формирующие образы сменявшихся на киевском престоле князей;

сравнить образный рисунок фрагментов, описывающих правление великих князей, указывающий на единый авторский характер обработки свода;

исследовать роль «*loci communes*» в создании единой системы образов представителей различных княжеских родов в своде;

описать детали, сохранившиеся в летописных сводах иной традиции, важные для понимания редакторской правки, выполненной составителем свода игуменом Моисеем.

Теоретическая база исследования. Методология. Рассмотрение Киевского свода как определенным образом организованной структуры, объединяющей внутри себя множество разнохарактерных первичных жанров, реализующих свой художественный потенциал в отношении друг к другу и к структурному целому, позволяет учесть всю совокупность текстовых элементов, формирующих летописное пространство. Характеризуя жанровую систему древнерусской литературы, Д. С. Лихачев отнес летописи к объединяющим жанрам. Однако чрезвычайно плодотворным представляется рассмотрение Киевского свода как единой художественной системы через образно-повествовательную её структуру. В связи с этим актуальной

ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 382–398; *Мушар Ф.* Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // *Ruthenica*. 2011. Vol. 10. P. 137–146.

является интерпретация текста, учитывающая важность всех входящих в него элементов, значимых для концепции произведения как целого. Такой подход позволяет охватить все разнохарактерные составляющие повествования свода игумена Моисея и увидеть в нем авторскую руку.

В поле рассмотрения включаются, с одной стороны, отсутствующие подробности и факты, трактуемые как система сознательных пропусков, как «минус художественный прием», с другой – множество деталей, оцениваемых традиционно как фиксация фактов, изображение «жизни как она есть» (по терминологии И. П. Еремина). Анализ разнообразных вариантов «*loci communes*» в совокупности с комплексом литературных приемов, использованных летописцем, обеспечивающих определенную индивидуальность княжеских образов, дает возможность рассматривать сами образы как способ авторского транслирования истории XII века. Только с учетом изучения связей «текст-контекст» возможно описание образно-повествовательной структуры летописного памятника¹. Подход к анализу летописного текста, в котором выявляются контекстуальные связи свода XII века, убедительно доказывает правомерность характеристики летописного текста раннего периода как литературного, конечная судьба которого была определена его редактором игуменом Моисеем.

Системный подход к изучению поставленных проблем обеспечивается: применением типологического метода, позволяющего рассматривать летописный текст как жанровое единство, обладающее определенными литературными характеристиками; историко-функционального и текстологического методов, обеспечивающих фиксацию динамики «*loci communes*», а также решение некоторых проблем, связанных с выявлением архетипических текстов ряда статей свода, «ибо в них кроется богатейший материал для выявления всех вариантов интерпретаций, и определяются моменты актуализации тех или иных древнерусских произведений»².

Научная новизна и теоретическая значимость исследования. Предложен новый подход к рассмотрению Киевского свода. Магистральная сюжетная линия, связанная с описанием великокняжеского правления,

¹ Дергачева-Скоп Е. И. К проблеме поведения текста в контексте: древнерусская повесть в летописных сводах и летописно-хронографических компиляциях // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск, 1997. С. 158–160; Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2002. Т. 1, вып. 1: Филология. С. 3–12.

² Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Иллюстрированное повествование о походе Ермака в Сибирь и его автор (к проблеме историко-функционального изучения древнерусских литературных памятников) // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII – первой половине XIX века. Новосибирск, 1990. С. 112.

рассматривается через образно-повествовательную структуру, характеризующую Киевский свод как свод конца XII в. (свод Рюрика Ростиславича). Обозначенный подход к летописному тексту выводит на реконструкцию протографов, лежащих в его основе. Анализ литературных приемов дает возможность описать принципы летописного повествования; выявить средства, которые использовал игумен Моисей, стремясь в окончательном варианте всего свода акцентировать внимание на позитивных устремлениях князей «дома» Рюрика Ростиславича.

В результате исследования впервые:

- Киевский свод конца XII в. игумена Моисея представлен как актуальный материал для решения ряда важнейших проблем истории русского летописания и, прежде всего, проблемы выявления авторской идентичности редакторских приемов обработки летописных сводов;
- проведена реконструкция литературных границ свода игумена Моисея, описаны приемы переакцентуации политической стратегии свода в руках одного редактора;
- великокняжеская киевская летопись в составе Киевского свода рассматривается с точки зрения образно-повествовательной структуры памятника;
- историческая событийность Киевской летописи XII в. представлена через образы князей, отражающие сознательную литературную работу редактора свода, свидетельствующие о возникновении новых методов изображения исторической действительности;
- предложена гипотеза существования княжеского свода старших Ольговичей (Всеволода и его сына Святослава), и текстологически описаны его границы.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации для практических целей могут быть использованы в научных исследованиях по истории древнерусской литературы, теории литературных жанров, в общих и специальных курсах и учебных пособиях по истории русской литературы и культуры.

Апробация исследования. Основные положения и результаты исследования апробированы в форме докладов и сообщений в ряде международных и всероссийских конференций, в том числе: на Межвузовской научной конференции V Новосибирские Кирилло-Мефодиевские чтения «Ценностные основы и ориентиры славянской культуры», Новосибирск, 21–25 мая 2004 г.; II Межрегиональной научно-практической конференции «Сибирь на перекрестье мировых религий», Новосибирск, 28–29 октября 2004 г.; Международной научной конференции «Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России», Новосибирск, 1–5 декабря 2005 г.; Международной научной конференции III Ремезовские чтения «Провинция в

культуре: литература, искусство, быт», Тобольск, 27 мая – 1 июня 2007 г.; Международной научной конференции «Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации», Новосибирск, 25–27 марта 2010 г. (Международная кафедра ЮНЕСКО / НГУ); Международной научной конференции «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности», Екатеринбург, 6–7 октября 2011 г. («Дергачевские чтения»); Всероссийской научной конференции «Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени», Новосибирск, 4–8 июня 2012 г.; на VII Всероссийской научной конференции «Литература Урала: история и современность», Екатеринбург, 2012 г.; VII Уральских археографических чтениях: «Культурные элиты России: истоки формирования и модели развития. К 40-летию Уральского археографического центра», Екатеринбург, 24–26 октября 2013 г.

Положения, выносимые на защиту:

1. Великокняжеская летопись – свод игумена Моисея XII в. представляет собой повествование, подвергнутое целеустремленной редакторской правке, захватывающей весь XII в.

2. Анализ совокупности примененных литературных средств в пределах летописца одного княжеского рода выводит на реконструкцию источников, утраченных в результате целенаправленной правки великокняжеской летописи, выполненной игуменом Моисеем.

3. Принципы изображения человека в Киевском своде свидетельствуют о стремлении составителя свода подчеркнуть через ремарки, эмоционально маркированные эпитеты, «внутреннюю» речь, монологи, некрологи индивидуальные особенности характера князей.

4. Динамика «*loci communes*» определяется стремлением книжника представить собственную литературную презентацию событий.

5. Свод игумена Моисея XII века является литературным памятником.

Структура работы, в соответствии с целями и задачами исследования, включает Введение, четыре главы, Заключение, список использованной литературы, включающий 202 наименования, список источников.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснованы актуальность и научная новизна исследования, определены объект и предмет, цели и задачи, представлены методологическая и теоретическая база исследования, практическая ценность, апробации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. «Киевский свод XII века игумена Моисея: актуальные проблемы исследования его повествовательной структуры» посвящена проблеме истории текста и поэтике Киевского свода XII в. в трудах медиевистов. Подходы к изучению Киевского свода отражают общую тенденцию

истории изучения русских летописных сводов, которые рассматривались с точки зрения выяснения их состава, источников, выявления сходных чтений в разных сводах, редакторской работы составителей сводов. Литературный аспект летописных сводов долгое время оставался на периферии исследовательских задач.

Неизменный интерес к Киевскому своду XII века, начиная с трудов А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, Б. А. Рыбакова, обеспечивали проблемы источников и состава Киевского свода. Существующие сложности в определении объема и границ использованных источников объясняют различные точки зрения по вопросам выделения этапов редакторской работы, уточнения авторства тех или иных фрагментов. Среди использованных в своде источников менее всего изучена киевская великокняжеская летопись, обеспечивающая основную сюжетную линию в повествовательной структуре Киевского свода.

Литературный подход к изучению Киевского свода XII в. отмечен нами в концептуальных трудах В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина. Стилистическую характеристику использованных в Киевском своде летописцев дал Б. А. Рыбаков¹. Детальную разработку получили важные для характеристики повествовательной структуры Киевского свода входящие в его состав первичные жанры. Статьи с воинской тематикой рассмотрены Б. А. Рыбаковым, А. А. Пауткиным, Н. В. Трофимовой²; некроложные статьи – И. П. Ереминым, А. П. Толочко³. Выявленные еще А. С. Орловым и зафиксированные также Н. А. Мещерским заимствования в Киевском своде из Александрии Хронографической и из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия подробно изучены Т. Л. Вилкул. Ей также описаны принципы нарративного конструирования сюжетов, касающихся взаимоотношений «людей» и князя⁴. Немало ценных наблюдений сделано над

¹ Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 7–183, 277–392.

² Пауткин А. А. Беседы с летописцем: поэтика раннего русского летописания. М., 2002; Он же. Батальные описания Ипатьевской летописи (Проблемы жанра и стиля): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982; Трофимова Н. В. Поэтика и эволюция жанра древнерусской воинской повести: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2002.

³ Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы. С. 82–84; Толочко А. П. Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // *Paleoslavica*. Cambridge, Massachussets. 1999. Vol. 7. P. 26–38; См. также: Рудомазина Т. Б. Летописные повествования о княжеской смерти: жанрово-стилевой анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2007.

⁴ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 116–117; Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 103, 105; Вилкул Т. Л. Нарративное конструи-

литературным стилем отдельных входящих в Киевский свод произведений (см., например: повесть об Изяславе Мстиславиче (1146–1154 гг.), повесть об убиении Игоря Ольговича (1147 г.), повесть об убиении Андрея Боголюбского, рассказ о походе Игоря Святославича (1186 г.) и др.).

В настоящее время открытым остается вопрос характеристики повествовательной структуры Киевского свода как концептуального авторского единства. Между тем, только выявление форм выражения авторского отношения к событиям на протяжении всего свода дает возможность приблизиться к пониманию художественного своеобразия летописного текста.

Эта проблема является основной в нашем исследовании. Как мы считаем, рассказы о событиях, связанные с киевским великокняжеским правлением, несомненно, формировались за счет постепенно складывающихся описаний княжеских предприятий, однако, индивидуализация их образов определялась окончательной целенаправленной редакторской правкой, выполненной составителем всего Киевского свода XII века игуменом Моисеем. Именно от него зависела литературная судьба входящих в его состав источников.

Глава 2. «Реконструкция литературных границ источников свода игумена Моисея и черниговское летописание XII в.» состоит из двух разделов: «Реконструкция Летописца Всеволода Ольговича и литературные границы летописания двух ветвей рода Ольговичей в своде игумена Моисея» и «Актуализация известий с участием Всеволода Ольговича в летописных сводах XII–XVI вв.».

Известия, сохранившиеся в составе Киевского свода в виде стилистически акцентированных фрагментов, в которых явно выделена важная роль князей старшей ветви династии Ольговичей в киевском правлении, указывают на вероятность существования летописания представителей этой ветви, содержащего иную точку зрения на события по сравнению с той, что постулируется в летописании их двоюродных братьев (младшая ветвь Ольговичей). Летописание старших князей черниговского рода (и прежде всего Всеволода Ольговича) велось, по нашему мнению, систематически, было использовано и отредактировано игуменом Моисеем, представлявшим своим сводом конца XII в. версию великокняжеского летописания Рюрика Ростиславича, который имел родовые и матримониальные связи с младшими представителями ветви черниговских князей, а его предки постоянно противостояли политике старших Ольговичей.

рование в параллельных сюжетах летописных сводов // Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XII вв. М., 2009. С. 113–225; Она же. О хронографических источниках Киевского летописного свода // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 382–398.

Черниговский источник в составе Киевского свода связывался традиционно с летописанием младшей линии черниговских князей¹. Полагаем, при описании походов против Ярополка Владимировича (1135 (6643), 1136 (6644), 1139 (6647) гг.) Всеволода Ольговича, представителя старшей линии черниговских князей, относящихся ко времени его черниговского правления, был использован черниговский источник, содержащий объяснение причины военных действий, подробности маршрута передвижения, зафиксированные нюансы переживаний князя, не характерные в целом для летописного текста. Особой ценностью обладает обращение черниговских князей к Ярополку Владимировичу, сохранившееся лишь в составе великокняжеской летописи: «Что ны отец держал при вашем отци, того же и мы хотим; аже не вдаст, то не жалуйте, что ся удеет, то вы виновати, то на вас буди кровь»².

Этот же источник прослеживается в повествовании времени киевского правления Всеволода Ольговича: к нему мы возводим известия, акцентирующие миролюбивые устремления князя (под 1140 (6648), 1142 (6650) гг.). Кроме фрагментов, подчеркивающих благородство князя, стремление решать конфликты мирным путем, летописный текст времени его киевского княжения содержит другие, несущие на себе отпечаток враждебного отношения к нему летописца (под 1140 (6648), 1143 (6651), 1146 (6654) гг.), что, по нашему мнению, является следствием редакторской правки. Анализ свода игумена Моисея позволяет выявить в изложении многих событий с участием черниговских князей доминирование позиции младших Ольговичей.

Летописание младших Ольговичей, имевшее в основе Летописец Святослава Ольговича и его сыновей, содержит в своем повествовании не только особую интерпретацию фактов русской истории, но выступает в роли *контекста*, позволяющего реконструировать летописание старших Ольговичей. Именно наличие во многих фрагментах, описывающих события с участием черниговских князей, враждебной тональности по отношению к представителям старшей ветви династии Ольговичей, определяет парадигму прочтения тех известий, в которых акцентирована их роль. Среди сохранившихся фрагментов, которые содержат в себе взгляд на описываемые события точки зрения старших Ольговичей, – описание походов Ольгови-

¹ Д. С. Лихачев писал о Летописце Игоря Святославича, включавшем в себя Летописцы его отца и брата (*Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 182–184*). М. Д. Приселков полагал, что в составе Ипатьевской летописи отражен Летописец Святослава Ольговича, родного брата Всеволода (заложенный в 40-х годах XII в.), который по припоминаниям «подымался до 1120 г.» (*Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 92*).

² ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 296 (Далее – Ипат., номер столбца).

чей против Ярополка Владимировича (относящиеся ко времени черниговского правления Всеволода Ольговича), а также уникальные известия, дошедшие до нас только в составе Ипатьевского свода, охватывающие время нахождения князя на Киевском престоле¹. Эти известия интерпретируются нами как фрагменты гипотетически существовавшего летописания старших представителей рода черниговских князей. Известия, положительно представляющие старших Ольговичей, являются не вставками, но свидетельством существования единого концептуально выдержанного летописца, изменившего свой облик при редактировании.

Благосклонное отношение составителя свода к младшим Ольговичам, отредактировавшего летописание старших Ольговичей, может объяснить факт, обративший на себя внимание П. П. Толочко²: почему приписка эггического характера, вставленная в текст некроложных статей смоленских князей Ростиславичей – «и приложися к отцем своим и дедом своим»³, – была также добавлена в сообщение о смерти Всеволода Святославича (под 1196 (6704) г.), представителя младших Ольговичей, и отсутствовала в известии о смерти Святослава Всеволодовича (под 1194 (6702) г.), великого и грозного князя, занимавшего киевский престол в течение многих лет, оставшегося в памяти потомков как автор «золотого слова», произнесенного по следам похода Игоря Новгород-Северского.

Ю. Н. Тынянов писал о том, что «существуют явления стиля, которые приводят к *лицу* автора», что они подсказывают «какие-то неуловимые и вместе конкретные черты рассказчика»⁴. Представляется возможным приложить эти слова к летописному тексту XII в., несомненно, отражающему творческое начало и авторскую задачу летописца как рассказчика.

Для выяснения авторских позиций игумена Моисея нами для анализа были привлечены и текстологически описаны известия с участием Всеволода Ольговича в летописных сводах иной и более поздней традиции. Рассмотрение текста в синхронном аспекте позволяет выделить лишь незначительное количество случаев явно ощутимого авторского отношения в тексте (например, в виде открытого комментария или оценочного эпитета). И они являются скорее исключением из правила. Отношение автора в летописи чаще всего скрыто для читателя и выражается в определенном ракурсе освещения событий, самом отборе фактов. Выявить и описать сте-

¹ Мельничук В. А. Летописец Всеволода Ольговича в Киевском своде XII века (Проблема литературных границ) // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века). Новосибирск, 2011. С. 537–555.

² Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 151.

³ Приписки в некроложные статьи («и приложися к отцем своим») сделаны, по мнению М. Д. Приселкова, игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем (Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб, 1996. С. 88–89).

⁴ Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 135.

пень «проявленности» авторской позиции в таком случае позволяет сопоставление параллельных мест в ряде сводов промосковского, новгородского и западнорусского характера.

Весь материал времени черниговского правления князя, который постепенно аккумулировался в составе его Летописца: детализация его действий, маршруты передвижения, мотивы поступков, – в промосковских сводах утрачен. Текст рассказов наполнен иными по сравнению с Киевским сводом фактами как следствие использования при составлении сводов различных источников. В повествовании представлена интерпретация событий, проясняющая мотивы действий Всеволода Ольговича, отсутствующие в Киевском своде (например, под 1135 (6643); под 1139 (6647) гг.). В Московском своде 1479 г., Воскресенской летописи опущены фрагменты, в которых сыновья Мономаха охарактеризованы с нелицеприятной стороны (например, не указано их бегство с поля битвы, кратко сообщается о понесенных потерях под 1136 (6644) г.). Во всех промосковских сводах отсутствуют факты, связанные с действиями Ярополка, которые могли бы прояснить мотив поступков Всеволода Ольговича (например, пленение им сел и городов возле Чернигова). В рассказе Никоновского свода правота противника Всеволода Ольговича, Ярополка, подчеркнута за счет участия в конфликте митрополита, укорявшего черниговского князя.

В летописных сводах XV–XVI вв. оказались утраченными фактически все незначительные подробности известий времени киевского княжения Всеволода Ольговича, сохранившиеся в Киевском своде, которые характеризуют его с положительной стороны. Единственное известие, в котором в сводах более позднего времени снято авторское осуждение, – сообщение о женитьбе сына Всеволода Ольговича под 1143 (6651) г. Не отражены в летописных сводах позднего времени частности семейной биографии князя, например, рождение сына или свадьба дочери, взаимоотношения с братьями. В некоторых сводах, использовавших новгородско-софийский источник, содержатся факты, отражающие отношение Юрия Долгорукого, а также новгородцев к занявшему киевский престол князю.

Объясняет действия Всеволода Ольговича в самом начале его пребывания на киевском престоле текст Никоновской летописи. В ней зафиксирован факт негодования Владимировичей, направленного против князя, объясняющий выступление против них черниговского князя; кроме того, согласно тексту Никоновской летописи, на киевское княжение князь был поставлен митрополитом, – таким образом, его действия освящены церковным установлением.

Следствием целенаправленной правки игумена Моисея является, по видимому, отсутствие в Киевском своде указания на законность киевского княжения Всеволода Ольговича, сохранившегося в Московском своде 1479 г. и Воскресенской летописи.

Избыточные по сравнению с Киевским сводом положительно характеризующие князя Всеволода эпизоды и позитивные оценки его деятельности в составе разных летописных сводов XV–XVI вв. свидетельствуют о существовании некоего южнорусского источника более полного состава, чем тот, что сохранил Киевский свод. Это позволяет восстановить вид использованного в великокняжеской летописи XII в. протографа, дающего возможность с большой степенью уверенности говорить о существовании летописания старших Ольговичей, попавшего под редакторскую руку игумена Выдубицкого монастыря Моисея.

Глава 3. «Интерпретация исторической событийности киевского княжения XII века в княжеских образах как фактах литературных». Княжеские образы, формирующиеся в процессе изображения исторических событий, поданных в нужном летописцу ракурсе, транслировали не просто историю киевского княжения, но ее интерпретацию через многоступенчатую генеалогию определенного рода¹. В Киевском своде была акцентирована важная для игумена Моисея магистральная линия законного престолонаследования великокняжеского стола правнуком Владимира Мономаха, Рюриком Ростиславичем, с именем которого связана как политическая стратегия свода, так и его литературная обработка. В главе значительное место уделено свидетельствам интереса книжника конца XII века к внутреннему миру князей, отмечено его мастерство в передаче тонких нюансов княжеских характеров через описание их поступков, говорящих о возникновении новых методов изображения исторической действительности. В свете этой концепции материал исследования в главе рассмотрен в трех разделах: «Образы Владимира Мономаха и его сыновей в трактовке составителя великокняжеского свода XII в.»; «Образы Изяслава Мстиславича, Юрия Долгорукого, Вячеслава Владимировича, Изяслава Давыдовича» в событиях 1146 – 1159 гг.»; «Князья времени игумена Моисея и литературная презентация их образов».

Первый из названных разделов посвящен литературным принципам изображения киевского княжения Владимира Мономаха и его сыновей: Мстислава, Ярополка, Вячеслава. Их характеристики выполнены, безусловно, автором, позитивно оценивающим их политическое «лицо». Летописцем Михайловского Выдубицкого монастыря (патронального монастыря Мономаховичей) мог быть акцентирован библейским сюжетом рассказ под 1111 (6619) г. о походе русских князей против половцев, в котором ан-

¹ «К середине XII века князья приобретают вкус и потребность в генеалогиях многоступенчатых, охватывающих историю рода уже не в двух-трех, а в восьми-девяти поколениях» (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Князь и митрополит: Штрихи к портрету Климента Смолятича // Траектория традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 46–47).

гельские силы во главе с архангелом *Михаилом* помогают победе Владимира Мономаха. Этим же автором могли быть описаны под 1116 (6624) г. поход Мономаха против Глеба Всеславича, в котором его правота подчеркнута не только с помощью традиционной ремарки, сообщающей о помощи Бога, но и указанием, что князь не хотел проливать кровь в дни поста, а также выбивающийся своей церковной обработкой из общей тональности известий времени киевского княжения Владимира Мономаха рассказ под 1123 (6631) г., в котором осуждается противник Владимира Мономаха, Ярослав Святополкович. Рассказы несомненно обработаны позднее самих событий, поскольку, например, в последнем из них заметно соединение двух источников и редакторская правка. Поздняя правка заметна и в описании княжения в Киеве сыновей Владимира Мономаха: Мстислава и Ярополка. Полагаем, что в известие о самых первых действиях на киевском престоле черниговского князя Всеволода Ольговича именно редактором свода игуменом Моисеем был вставлен фрагмент, восхваляющий Мстислава за продолжение военных подвигов отца, относящийся ко времени уже после смерти князя, не только положительно характеризующий сына Мономаха, но создающий контекст, контрастирующий с описанием первых шагов княжения Всеволода Ольговича, начавшего враждовать с племенем Владимира. Образ Мстислава, оплакивающего всю жизнь свое невмешательство в конфликт 1128 (6636) г. между Всеволодом Ольговичем и Ярославом Ярославичем, расправившегося с полоцкими князьями из-за непослушания, – дополнен панегирическими речами, составленными, по-видимому, летописцем, осведомленным преимущественно о киевском периоде правления Мстислава и, вероятно, спустя какое-то время после его смерти.

Часть фрагментов была подвергнута редакторской правке в пользу *Ярополка*, другого сына Владимира Мономаха: в описании его конфликта со Всеволодом Ольговичем оказались утраченными причины вражды Ольговичей с Ярополком, земельные притязания Юрия Долгорукого и Всеволода Ольговича, сохранившиеся в Новгородской первой и четвертой, а также Густынской летописях. Определенным образом преподнесенные события: с точки зрения интересов Ярополка, – обеспечивают его образу безупречность. Князь, беспокоящийся о мире в земле Русской, храбро отразивший набег половцев, князь «благочестивый», «благочестивый» и милосердный – таким предстает он в повествовании благодаря прямой авторской характеристике в виде эпитетов; похвале, вложенной в уста его противников; объяснению победы над половцами помощью Бога и молитвенного заступничества Владимира Мономаха. Бегство с поля сражения в 1136 (6644) г., остается фактически незамеченным на фоне других эпизодов с участием князя, в которых мастерски акцентированы его добродете-

ли. В образе Ярополка отмечены все добродетели князя, относимые к его «нраву».

Повествование, охватывающее годы с 1146 по 1159 (второй раздел главы), посвящено описанию борьбы за Киев между потомками Владимира Мономаха *Изяславом Мстиславичем, Юрием Долгоруким, Вячеславом Владимировичем, Изяславом Давыдовичем*. Образы князей последовательно выстраиваются в описаниях их поступков. Особенности «нрава» *Изяслава Мстиславича*, внука Владимира Мономаха, подчеркиваются подробно описанными батальными сценами, свидетельствующими о его воинском мастерстве; авторскими ремарками, положительно характеризующими князя; прямыми речами князя, объясняющими его позицию и одновременно негативно характеризующими его соперника Юрия Долгорукого; речью новгородцев и псковичей, называющих его «своим» князем и др. Законность действий Изяслава Мстиславича подчеркнута редакторской правкой Моисея: в рассказы под 1151 (6659), 1152 (6660) гг. введены союзники князя Изяслава¹. Среди них – князь Вячеслав, обеспечивающий законность действиям племянника, нарушившего порядок престолонаследования. Письма (послания) Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу, вставленные в текст наравне с официальными посольскими речами, в которых пересказывается все, о чем повествовал до этого книжник, являясь жанровой скрепой новых приемов, становятся «фактом литературным». Обращение к жанру «письма» обеспечивало применение стилистических приемов, противоположных тем, что согласовывались со стилем «монументального историзма», – частный характер «письма» мотивировал ввод мелочей. Например, послание под 1148 (6656) г. Изяслава Мстиславича брату Ростиславу заканчивается заботой о здоровье брата: «И тебе, брате, прашаю, въздоров ли еси, и што ти тамо Бог помогает» (Ипат., 363). Среди негативно характеризующих князя эпизодов – например, факт грабежа сел черниговского князя Игоря Ольговича под 1146 (6654) г., неспособность остановить кровопролитие: планирующееся под 1147 (6655) г. убийство Игоря Ольговича, факт поджога Горodka Юрия Долгорукого под 1152 (6660) г.

Юрий Долгорукий, сражавшийся с племянником за Киев, несколько раз негативно охарактеризован своим соперником, а в одном из эпизодов – союзником Владимиркой Галицким. В многочисленных эпизодах, описывающих борьбу князя за Киев, лишь один раз подчеркнута его правота за счет вмешательства в конфликт митрополита, отговаривающего Изяслава Мстиславича от выступления. На образе Юрия Долгорукого негативно

¹ См.: *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts, 2005. Vol. 13 (1). P. 31–37.

сказываются речи его старшего брата Вячеслава, в которых осуждается его посягательство на чужие территории; окрашенный негативным отношением летописца эпизод, описывающий действия сына Юрия Долгорукого, Бориса; рассказ, сообщающий о приходе Ростислава, другого сына князя с жалобой на Юрия Долгорукого к его сопернику. Образ Юрия Долгорукого в Лаврентьевском, Московском своде 1479 г., Воскресенской летописи не «снижен». Согласно сохранившейся в этих сводах версии, сын Долгорукого, Ростислав, посланный отцом в помощь Ольговичам против Изяслава Мстиславича, размыслив, что Ольговичи – давние враги «дедам его и дядьям его», меняет решение; о жалобе на отца не сообщается. Важным штрихом является сохранившееся в Тверском сборнике эмоциональное восклицание князя, указывающее на его права: «Уже ли се един аз не имею части в Руской земли, ни ли дети мои? Или не отец мне был князь великий Владимир Мономах?»¹.

В создании образа *Вячеслава Владимировича* играют существенную роль прямые речи, в которых он не только выражает свою позицию, но раскрывает внутренние переживания в связи с теми или иными событиями. Например, обращаясь к Изяславу и Ростиславу Мстиславичам под 1151 (6659) г., он объясняет, почему терпеливо сносил от них обиды: «Оже мя переобидила, и первое, и другое, и бещестье на мене еста положила, а полкы имею, а силу имею, и Бог ми дал, но аз Рускыя дея земли и христиан дея, того всего не помянул» (Ипат., 429).

Летописец формирует для слов князя выразительный контекст. Например, в описании конфликта, в котором были задействованы несколько князей под 1149 (6657) г., приведенные речи Вячеслава Владимировича, содержащие обращение к Юрию Долгорукому с просьбой примириться с соперниками, предваряет цитирование Евангелия от Матфея и послания Иоанна Богослова, придающие речам князя особую значимость. В тексте содержится прямая характеристика князя: «незлюбив сердцем». В другом примере под 1151 (6659) г. «нарративное обрамление»² слов князя Вячеслава: «И рече Вячеслав, озряся на святую Богородицу, яже есть над Золотыми ворота, а той ныне Пречистей Госпожи судити с сыном своим и Богом нашим в сии век и в будущи» (Ипат., 431), – свидетельствует о конструировании определенного «повествовательного пространства» через насыщение текста

¹ Летописный сборник, именуемый Тверской летописью: ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 213.

² *Gunnhus A. A.* Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни...: Сб. памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 185.

нужными автору деталями¹. В данном случае обращение взором к иконе является штрихом к образу князя, выстраивающего свои действия в соответствии с текстом Писания.

Под этим же годом находим редкий случай, когда события оцениваются не словами летописца, а в речи князя – как результат Божественного вмешательства: «Сыну, се есть начало Божии помочи. Сде приехавше не успели ли што, но толико сорома добыли» (Ипат., 432–433). В другой речи князя заключена самохарактеристика: «От рождения моего не охвотив есмь был на кровопролитие, но сего мя довел брат мой» (Ипат., 437). Несмотря на то, что в некоторых эпизодах образ Вячеслава Владимировича оказался «сниженным» (исполняющим волю племянника, Изяслава Мстиславича), доминирующими его чертами становятся христианские ориентиры, готовность уступить братьям, забота о мире. Применимо к Вячеславу Владимировичу можно говорить о стремлении книжника изобразить характер².

Особой ценностью в летописи обладают эпизоды, описывающие различные сцены из обыденной жизни князей: они свидетельствуют об интересе книжника XII в. к частной жизни, где больше возможностей раскрытия внутреннего мира человека, о мастерстве в передаче тонких нюансов княжеских переживаний, о возникновении новых подходов к изображению человека.

Третий, очень важный раздел главы, посвящен *княжеским образам времени игумена Моисея и способам их литературной презентации*.

В парадном, торжественном виде представлен *Мстислав Изяславич* в описании под 1170 (6678) г. похода против половцев. Положительно на образе князя в описании конфликта его с Ростиславичами сказываются авторские ремарки, а также обращение к князю дружины: «Да будут злии человеци, завидяче твоей любви, юже к братье имеши, вложили будут зло слово: зол бо человек противу бесу, и бес того не замыслит, еже зол человек замыслит» (Ипат., 542).

На образе *Святослава Всеволодича*, представителя старшей линии рода Ольговичей, негативно сказываются известия, отредактированные игуменом Моисеем в пользу смоленских Ростиславичей, к которым он благово-

¹ Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «История Сибирская»: Повествовательное пространство и повествовательная достоверность // *Τέχνη ὑφαίμακτις*. Новосибирск. 2004. Вып. 1. С. 67–84.

² Понятие характера соответствует определению, данному Аристотелем: «Характер – это то, что обнаруживает склонность: какова она в тех положениях, где неясно, что предпочитать и чего избегать» (*Аристотель*. Поэтика // Аристотель: Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 653).

лил. Осуждению со стороны летописца подвергся, например, князь в рассказе под 1174 (6682) г., поскольку в описываемых событиях он выступал на стороне Андрея Боголюбского, противника Ростиславичей. Отметив радость Ольговичей, летописец подчеркивает роль Святослава Всеволодича в разгоравшемся конфликте: «И се слышавше Ольговичи, и ради быша. Святослав Всеволодичъ и вси братья его послаша муже свое к Андрееви, поводяче и на Ростиславиче» (Ипат., 572). Аналогичный пример содержится под 1177 (6685) г. в известии о победе половцев над русскими князьями: ««То слышавши Олговичи, Всеволодичъ Святослав, обрадовашася, аки не ведуще Божия казни» (Ипат., 603). Отрицательным штрихом к образу Святослава Всеволодича является приведенный внутренний монолог князя в рассказе, повествующем о его конфликте с Ростиславичами под 1180 (6688) г.: «И не удержався от ярости, переступя крест, и перееха чересь Днепр, и помысли во уме своем: "Яко Давыда иму, а Рюрика выжену из земле, и прииму един власть Рускую и с братьею, и тогда мыщюся Всеволоду обиды свое"» (Ипат., 615).

Образ князя-победителя постепенно формируется в повествовании, относящемся к киевскому княжению Святослава Всеволодича: под 1184–1185 гг. описаны победы над половцами; в известии под 1193 (6701) г. зафиксирована забота о Русской земле в обращении к Рюрику Ростиславичу с обвинением в «небрежении Русской земли».

В рассказе о походе Михалка и Всеволода Юрьевичей на Владимир под 1177 (6684) г. акцентируется роль сына Святослава Всеволодича, Владимира: за счет использованного метафорического сравнения картина приобрела «зрительность», а образ князя – необыкновенную выразительность: «Едушу же Володимеру Святославичу напередѣ, и выступи полк из загорья, вси во бронях, яко во всяком леду» (Ипат., 601).

Наполнение повествования последней трети XII в. фрагментами, составленными сочувствующим смоленским Ростиславичам автором, создает благоприятный контекст восприятия известий, описывающих великое княжение *Рюрика Ростиславича*. Относимое в исследовательской литературе к блестящим памятникам торжественного красноречия¹ прижизненное восхваление князя, в котором его правление сравнивается с царством, а постройка, совершенная князем, уподобляется новому чуду, «иже во дни царства твоего свершися», и приравняется к добрым деяниям князя, – коррелирует с позитивными характеристиками, данными Моисеем Выдубицким всем остальным князьям рода Рюрика Ростиславича.

Эта похвала, написанная в духе энкомия, обнаруживает в её авторе и ре-

¹ См.: *Бегунов Ю. К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 60–76.

дакторе Киевского свода конца XII в. «не только человека грамотного (в смысле начитанности), но, без сомнения, и вкусившего от плода науки ораторской», обнаруживающего «явные следы школы, притом школы однородной с тою, под влиянием которой образовались ораторские приемы современника Кирилла Туровского» (С. Т. Голубев). Она подтверждает наши выводы о том, что все приемы редакторской правки игумена Моисея, описанные при анализе интерпретации исторической событийности киевского княжения XII века есть факты сознательной литературной работы редактора свода, есть факты литературные.

Глава 4. «*Locī communes*» в системе летописной поэтики свода игумена Моисея» состоит из двух разделов: «*Этикетные ситуации и их литературная презентация в изображении киевского правления*» и «*Некрологи смоленским князьям Ростиславичам как способ реализации стратегии составителя свода игумена Моисея*». Анализ известий, сообщающих о восшествии на киевский престол представителей различных княжеских родов, княжеских встречах и смерти, диапазон варьирования «*locī communes*» был достаточно велик. Летописец фиксировал исторические факты, следуя литературному этикету, при этом «уровень историзма», корректируемый жанровыми канонами, зависел еще и от внутреннего самоопределения книжника: отношение рассказчика к описываемому в некоторых случаях диктовало свои законы презентации исторического факта¹.

Известия о вокняжении князей в Киеве, характеризующиеся авторской экспрессивной окраской, в одних случаях обеспечивали торжественность, представляя князей в геральдическом, церемониальном положении (Д. С. Лихачев), в других – отказывали персонажам в таком этикетном изображении. Способ презентации эпизода, сообщающего о принятии великокняжеской власти, являясь условным началом княжеской жизнедеятельности, сказывается на восприятии дальнейшего повествования. Так, торжественно представлено известие о вокняжении в Киеве *Владимира Мономаха*, о принятии великокняжеской власти его детьми (Мстиславом и Ярополком) сказано уже лаконично.

Редакторской правкой может быть объяснено отсутствие в известии о восшествии на киевский престол *Всеволода Ольговича*, старшего из рода черниговских князей, обращения к нему Вячеслава Владимировича, сохранившегося в составе Московского свода 1479 г., Воскресенской летописи, где содержится ссылка на родовое завещание киевского княжения Всеволоду «отцами». В Киевской же летописи подчеркивается с помощью умело составленных прямых речей законность нахождения на киевском столе представителя младшей линии черниговских князей, *Святослава Ольговича*, в нарушение завещания, сделанного старшим из Ольговичей,

¹ Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «История Сибирская»... С. 70.

Всеволодом. Стремлением игумена Моисея усилить позиции младшей линии Ольговичей объясняется особая презентация событий под 1164 (6672) г. после смерти Святослава Ольговича, в невыгодном свете представляющих вокняжение в Чернигове законного претендента, Святослава Всеволодича (старшего из черниговских князей).

Выделяется среди типологически сходных известий сообщение о принятии великокняжеской власти *Изяславом Мстиславичем*, внуком Владимира Мономаха: в нем описано, как население разных областей киевской земли встречало князя. Иной образ структурируется в Лаврентьевском своде, сохранившем указание на изгнание им из Киева брата Владимира, а также черниговского князя Изяслава Давыдовича.

Торжественно представлено известие под 1194 (6702) г., сообщающее о восшествии *Рюрика Ростиславича* на киевский престол, являющееся одновременно панегириком князю. Среди встречающих князя указаны митрополит и игумены. В Никоновском своде, сохранившем другую редакцию этого события: «Посла князь великий Всеволод, Юрьев сын Долгорукаго, мужи своа в Киев, и посади на великом княжении в Киеве князя Рюрика Ростиславичя, свата своего»¹, – образ Рюрика Ростиславича значительно «снижен».

Некрологи в своде игумена Моисея используются в качестве литературного средства, обеспечивающего подчеркивание роли одних князей и снижение других. Гамму положительных характеристик, восходящих к «Повести временных лет», содержат некрологи Владимиру Мономаху, его внуку Изяславу Мстиславичу, а также правнуку Мстиславу Изяславичу.

Некрологи сопернику Изяслава Мстиславича – его дяде Юрию Долгорукому, также как и сопернику Мстислава Изяславича, также являющемуся ему дядей, Владимиру Мстиславичу, – окрашены враждебным отношением автора. Негативно представлен Владимир Мстиславич не только в некрологе, но и в известии, сообщающем о принятии киевской власти. На редактирование этих фрагментов игуменом Моисеем, благоволившим к Рюрику Ростиславичу, свидетельствует прямое указание в повествовании на враждебное отношение Рюрика Ростиславича к Владимиру Мстиславичу.

В русле реализации политической стратегии свода представленная игуменом Моисеем задача акцентировать законность нахождения на великом столе в Киеве определенных князей была сопряжена с трудностями. Использованные при составлении великокняжеской летописи источники содержали материал, в котором исторические факты были преподнесены в определенном ключе, поэтому «скорректировать» образы важных для него князей не всегда удавалось в полной мере. Например, явно отредактиро-

¹ Цит. по: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью (по рукописи Академической XIV): ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 23.

ванный некролог Юрию Долгорукому, содержащий нелицеприятные для него факты, негативно сказывающиеся на его образе, контрастирует с известием о принятии им великокняжеской власти. Заключенная в нем уникальная для всего повествования XII в. генеалогия, доведенная до святого Владимира, является свидетельством использованного при составлении свода источника, сочувственного князю.

Мастерство литературного редактирования игумена Моисея демонстрирует, например, образ Вячеслава Владимировича. В некрологе князю оказались утраченными негативно характеризующие князя сведения, сохранившиеся в Московском своде 1479 г., Воскресенской летописи, Тверском сборнике. Редактированием известия о восшествии на киевский престол *Вячеслава Владимировича* можно объяснить отсутствие сохранившегося в Лаврентьевском и Никоновском сводах указания на то, что Вячеслав Владимирович был встречен в Киеве митрополитом и что он занял княжеское прaeda Ярослава. Косвенным указанием на редакторскую правку, целью которой было стремление скрыть права Вячеслава Владимировича на великое княжение, можно считать помещенный в Тверском сборнике заголовок, в котором Вячеслав помещен на первое место: «Княжение Вячеславе Володимерича Мономахова с Изяславом Мстиславичем»¹, тогда как согласно Киевскому своду Вячеслав был приглашен на княжение племянником Изяславом Мстиславичем.

В своде игумена Моисея *некрологи смоленским князьям Ростиславичам*, сюжетно и стилистически выдержанные в единой манере, формируют единую систему, связанную с князьями определенного рода. Панегирическое завершение фрагментарно представленных в тексте жизнеописаний смоленских князей, среди которых киевский престол занимали двое из пяти князей, обеспечивает их акцентную презентацию в архитектонике памятника, основным источником которого большинством исследователей признана великокняжеская летопись. Приписка, включенная в состав некрологов («и приложися отцам своим и дедам своим»), сделанная составителем свода игуменом Моисеем, маркирует «ценностный» для него ряд князей, начало которого связывается им с отцом Владимира Мономаха, Всеволодом Ярославичем, а конец – с внуками сына Владимира Мономаха, Мстиславом: смоленскими князьями Ростиславичами.

¹ Цит. по: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью: ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 216.

Заключение

Киевская великокняжеская летопись XII в. рассмотрена как концептуальное единство, обеспечивающееся редакторской обработкой составителя свода игумена Выдубицкого монастыря Моисея. Установлено, что редакторской правкой отмечены статьи летописи, продолжающие «Повесть временных лет», на протяжении всего XII в. Она касалась, прежде всего, важной для реализации политической стратегии свода магистральной линии, связанной с утверждением законности наследования великокняжеского стола правнуком Владимира Мономаха, Рюриком Ростиславичем.

Комплексный анализ литературных средств, использованных редактором свода игуменом Моисеем, исследование контекстуальных связей внутри повествования (прежде всего в описаниях княжеских биографий) позволили выявить лежащие в основе великокняжеской летописи протографы. Редакторской правке было подвергнуто, например, летописание старшей линии черниговского рода Ольговичей. Летописание младших Ольговичей, имевшее, как нам представляется, в своей основе Летописец Святослава Ольговича и его сыновей, содержит в своем повествовании не только особую интерпретацию фактов русской истории, но играет роль контекстуального фона, позволяющего реконструировать летописание старших Ольговичей. Именно наличие во многих фрагментах, описывающих события с участием черниговских князей, враждебной тональности по отношению к представителям старшей ветви династии Ольговичей, определяет парадигму прочтения тех известий, в которых акцентирована их роль в исторических событиях. Привлечение материала летописных сводов иной традиции дает дополнительные аргументы сделанным выводам, уточняя вектор редакторской правки великокняжеской летописи, выполненной игуменом Моисеем. Образы князей, складывающиеся благодаря целенаправленному отбору литературных средств, обеспечивают транслирование исторической событийности в выбранном автором политическом ключе. Некрологи всем князьям играют важную роль «дорисовки» княжеских образов, сформированных в предшествующем повествовании. Именно варьирование традиционных выражений, переходящих из некролога в некролог, наполнение их жизненно-конкретными деталями, дополняет княжеские образы, делая их многогранными, семантически отличающимися индивидуальными чертами. Исследование показало, что динамика «*loci communes*» определяется стремлением книжника, не выходя за границы этикета, представить свою презентацию событий и обеспечить тем самым единую авторскую точку зрения на события.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Мельничук В. А. К вопросу о составе черниговского летописания в Киевском своде XII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 2: Филология. С. 97–102.

2. Мельничук В. А. Летописание двух ветвей династии Ольговичей в составе Киевского свода XII века: текст и контекст // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 170–179.

3. Мельничук В. А. Известия с участием Всеволода Ольговича времени его черниговского княжения в составе промосковских летописных сводов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 155–163.

4. Мельничук В. А. Литературные характеристики сыновей Владимира Мономаха в Киевском своде XII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 9: Филология. С. 123–131.

5. Мельничук В. А. Стилистическая инструментовка характеристик смоленских князей Ростиславичей в составе Киевского свода XII века // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 14–21.

Научные публикации в других изданиях:

6. Мельничук В. А. Летописец Всеволода Ольговича в Киевском своде XII века (Проблема литературных границ) // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века). Новосибирск, 2011. С. 537–555.

7. Мельничук В. А. Авторская презентация исторических фактов в Киевском своде XII века // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы X Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И. А. Дергачева: В 3 т. Екатеринбург, 2012. С. 242–249.

8. Мельничук В. А. Образ князя Святослава Всеволодовича в летописном повествовании Киевского свода XII века в интерпретации автора хроники смоленских князей Ростиславичей // Литература. Фольклор: Сб., науч. тр. Курган, 2013. С. 36–41.

9. Мельничук В. А. Литературная судьба известий XII в. с участием Всеволода Ольговича в составе летописных сводов XV–XVI вв. // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 7: Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей): в 2 т. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2013. Т. 2. С. 155–165.

Подготовлено к печати 17 ноября 2013 г.
Формат 60х84 1/16.
Офсетная печать. Объем 1,5 п. л.
Заказ №
Тираж 100 экз.
Редакционно-издательский центр НГУ.

630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.